

Ель

*рассказ*

Деревня, тая в себе сотни чертей, тихим омутом раскинулась под небом, серым и грязным, как земля. Время ближе к зиме. Холодно. Снега нет. Всё противное и вязкое. Все топят печи, но редко - дрова экономят. Однако бывают такие дни, когда поздняя Уральская осень хлётко и дождливо бьет по деревне. В такие дни печные трубы отчаянно выдыхают дым. Непрерывным потоком выбрасывают серую, а порой и грязную, густую кучу в, словно забитое невымытой овечьей шерстью, небо.

Серо. На конце деревни лишь в одном домике пылает огонь. Тепло очага в этой избушке весьма редкий гость. Просто момент особенный. В этой покосившейся постройке живет старушка Зоя, но по имени в деревне ее не зовут. С ней мало общаются. Она глухая. Низенького роста, всегда носит отсыревшее советское, пальто и шаль, из-под которой заметно торчат седые волосы. Кажется, что она и спит в одежде. Ей давно за восемьдесят. Лицо ее запечатлется в память любого увидевшего ее, как фотоснимок. Глаза усталые, едва заметные из-за морщин, которые, как змеи, расползаются от впадин, были когда-то карие, теперь же едва имеют цвет. Бледные, как у покойника, сросшиеся почти губы.

Я редко ее встречаю, однако бывает, проходишь мимо, она время спросит, стоишь на пальцах объясняешь. Зоя не понимает, но, если времени много проходит, может кивнуть, протянуть тебе конфетку и пройти до следующего прохожего, чтобы опять спросить у него время. Мой сосед Антошка, мелкий мальчишка лет шести, русый, с серыми большими глазами, порой часто сидит у окна в ожидании, когда же бабушка Зоя пойдет на улицу. И если видит, как она медленно бредёт по дороге, переваливаясь с одного бока на другой и опираясь на деревянную тросточку, то он второпях

накидывает куртку и выбегает ей на встречу. Время подсказать. Она же уже даже не спрашивает у него, который час, а сразу дает ему конфету - шоколадную с орехами. Впрочем, обычно она раздает прохожим барбариски, да и то не всем. Вчера, вот помню, спросила у меня дорогу до магазина. А я ведь уже показывал. Она уже привычно убрала руку в карман. Откуда достала и протянула мне конфетку. Я заметил, что ее сморщенная рука была забита надписями: "хлеб, перловка, матрас, шкаф..." И лишь немного ближе к запястью в гордом одиночестве, красовалась весьма заметная, толсто выведенная синими чернилами и очерченная в красный круг, цифра "11"

Каждый месяц, почти в одно и то же время, 11 числа к старухе сын приходит - Володя. Момент особенный. Приходит он вовремя, как раз часа через два после того, как почтальон пенсию принесет. Зоя топит печь и обед готовит. Тошка тоже одиннадцатого числа там бывает. Помогает бабушке дров принести. Таскает к печке по одному, по два полешка. Картошки помогает ей на суп почистить, пол подмести ну и разное, по мелочи. Зоя достает пенсию из гомонка, делит ее на две части. Одну в шкаф убирает. Вторую часть под матрас.

Снаружи покосившийся и поросший мхом домик преобразуется внутри: пол чистый, прибрано, огонь из печки щебечет. Тепло так стало, что Зоя и пальто сняла и шаль. Суп с печки снят уже и остывает в тарелке вместе со сметаной, пряным запахом своим, окутывая нос. Домик у бабки небольшой: кухня и зал. Две комнаты метражом тоже похвастаться не могут. Зал выглядит свободно. Шкаф, стол и стул, кресло, койка. Все отсыревшее. Дом топится редко. Иной раз с утра на грязном полу иней даже бывает. Сейчас пол чистый. Антошкины старания...

Ворота скрипнули, через слякоть торопливо пронеслась фигура. Высокий мужчина, с плешью на голове, с обвисшими губами, за которыми гнилые костные обрубки сомкнулись, не выпуская ни звука, щеки щетинистые и глаза, словно застывшие.

Он быстро прошмыгнул мимо окон и зашел в дом. Направившись в зал, он резко остановился. Антошку заметил...

– Ты опять здесь? Ты в прошлый раз не понял, что ли?! Чё ты уставился?! Вон отсюда быстро!

Антошка испуганно поднимает глаза, прячась за бабкой. Опустив голову в пол, обходя его сбоку, с паникой собирается, куртку накиннул, шапку выронил и ушел.

– Володя...

Зоя, будто не замечая того, что он зол, обнадежено, поднимает свои бесцветные глаза.

Володя, не мешкая, обувь не снимая, забегает в зал, торопливо откидывая дверку шкафа, чуть ли слюну не пуская, хватая деньги и сует их в карман. Будто не замечая, старухи, что встала в дверном проеме, претя к выходу.

– Володь... Ну, отобедай хоть. Я ж там тебе супчик твой это...

– Да отвали ты, старая. Че пристала...

Продавливаясь к двери на пролом, выталкивает рукой старуху из проема. Она, еле устояв на ногах, поднимает взгляд и видит сначала его спину, потом закрытую дверь, окидывая взглядом, окно одно за другим, наблюдает, как в них появляется и исчезает Володя. Двухминутный особенный момент, пролетел камнем в пропасть, оставив только шматы грязи и следы от ботинок на чистом полу, которые Зоя убирать не будет, как-никак память... Они исчезнут через месяц и заменятся новыми. Через месяц Володя опять придет за деньгами, которые Зоя откладывает в шкаф специально для него. Он знает, что эти деньги отложены именно ему. Года два назад он также приходил. Печь маме топил, пол мыл, обед готовил и так невзначай спрашивал денег немного. Потом уже в привычку вошло, потом попросил откладывать куда-нибудь. А теперь так: пришел, забрал, ушел.

Зоя сквозь слезы ест жиденький суп, который и на суп-то с трудом походит. Однако есть его куда приятнее, чем давится пресной перловкой.

Видит у прохода шапку, достает кулек с конфетами, набивает шапку сладостями и Антошке несет. Так всегда. Он ждет, когда же она принесет. В последнее время специально шапку стал оставлять у бабушки Зои, чтоб она не забывала, что конфет нужно. Он выбегает, обнимает ее, конфеты забирает и обратно в дом. А она топает к себе, в свою постройку, в которой пока что тепло. Завтра будет холодно, но дров, которые к тому же Зоя еще не купила, едва хватает на зиму, поэтому старушка опять накинёт на себя шаль и пальто и не снимет их до следующего особенного момента.

Сын ее неторопливым шагом, дошел почти уже до соседней деревни, в которой он, за исключением одиннадцатых чисел, уже как года два обитает. Здесь у него два дружка. Седой - странный типчик, невысокий, лет тридцати. Он появился в этих краях совсем недавно неизвестно откуда, как снег на голову. Слухи ходили, что он в бегах. Однако деревня быстро успокоилась, поскольку городской интеллигент на зека походил не особо.

Правда сейчас от интеллигенции его осталось лишь прокуренное пальто и туфли, грязные и стоптанные о деревенскую слякоть. Имени своего не называл никогда, да его никто и не спрашивал. Седой и все. Он остановился у Кузьмы, второго дружка Володи. Кузьма мужик деревенский, обычный. Работал когда-то лесничим. Лесное хозяйство просит иногда у него помощи. Он, скрипя зубами, соглашается и, нехотя, помогает тем, кто отправил его на пенсию. Деваться некуда. Зимы здесь холодные. Дрова нужны, как воздух. Благодаря таким работкам у Кузьмы изредка бывают перерывы в запоях. Однако возвращаясь с деляны, он вместе со своим компаньоном, опять берется за стакан.

Денег, что Володя взял у матери, обычно хватает на месяц. А если не хватает, то компанию спасает Кузьма, у которого находятся: то сбережения некоторые, то пара бутылок самогона.

Однако Седой не любит таких сюрпризов. Поскольку перед каждым, весьма частым, застольем он ходит в магазин, покупает закуску, часто

списанную, и дешевую паленую водку. Забирает себе всю задачу, позже тратит ее на нормальные продукты. К ежедневному праздничному столу, он не притрагивается. Незаметно уносит свой пакет к себе в комнату и ест там. Изредка выходит, чтобы стрелнуть у Кузьмы сигаретку. Он бы покупал свои. Но, зачем? Лучше оставить денег, чтобы заплатить Кузьме за комнату. Приходится давиться теми сигаретам, что есть: дешевыми, едкими, горчичными, с тонкой бумагой, что тлеет вместе с отравой и придает привкус жженой травы.

Повезет если те двое войдут в кураж. Тогда же у них можно вытащить тыщеники две-три. Например, как в этот раз. Месяц еще не прошел, деньги кончились. Запасы Кузьмы иссякли. Однако руки трясутся, организм требует. И Володя весьма вовремя вспомнил про старый советский мотоцикл, что стоит в гараже у матушки.

– А он работает? – Спросил Кузьма, пытаюсь найти смысл, в предстоящем походе.

– Да не. Он работать перестал, когда батя из семьи ушел, – пояснил Володя.

– Так, а на черта он нам? – гаркнул Кузьма, все еще не понимая.

– На металл сдадим.

– Точно. Собирайся, пошли! – скомандовал Кузьма, поймав, наконец, светлую мысль.

– Сед-о-о-ой! – Резко одернувшись в сторону его комнаты, крикнул Кузьма.

– Чего?

– С нами пойдешь, – холодно и отчетливо распорядился Кузьма.

– Вот еще!

– Ты поговори там мне. Нет! Так проваливай на улицу... Ноги в руки и за нами! Быстро! – Прокричал хозяин дома, не оставив Седому выбора.

– Ладно, щас иду.

Утро. Туман серой дымкой разлился по деревне. Будто грязное небо рухнуло на землю и заполонило все вокруг. Но чуть позже дымка оседает. По утренней, уже растаявшей, слякоти, Зоя, не торопясь, скользит в магазин. Оставляет там почти все остатки пенсии. Откладывает деньги на мясо - в конце месяца нужно приготовить суп - и на дрова. Часть уходит на продукты, хотя продуктами их можно назвать с трудом. Несколько килограмм перловки, пара дешевых булок хлеба. В общем, все, что обычно в деревне берется для собаки. Плюс ко всему соль, чай, сахар и конфетки, которые, впрочем, можно было бы и не брать, однако покупает их старушка специально для Антошки. А далее самая неприятная часть похода – контора. Нужно заплатить за свет и, самое противное, за дом.

– Я на эту страну всю жизнь горбатилась, а теперь еще, и платить должна, да за свою же землю. Только деньги и выкачиваете!

Однако старушка всегда ворчит, но платит. И денег остается совсем немного. В конце месяца она купит окорочка, картошки, сварит жиденький суп. Долго будет выбирать, на что отложить ту скудную часть пенсии, что осталась: на похороны или на дрова. В итоге понимает, что если не купит дров, то деньги на похороны понадобятся ей раньше, чем планировала.

К тому же на неделе обещали, что в регион наведается настоящая поздняя Уральская осень. А вскоре и зима. Так что Зоя будет все реже появляться на улице, изредка подтапливать печку остатками гнилых досок, щепками и древесной шелухой, в общем, всем тем, что осталось от некогда стоявшей во дворе дряхлой постройки – дровенника. Зоя, вернувшись, домой, включила электроплитку, чтоб не топить печку, по привычке сняла пальто, но потом надела обратно. В доме тепло, но не настолько. А вот за хрупким оконным стеклом холодно, и ветер, то и дело покачивает ворота, порой так громко, что Зоя думает про Володю и подбегает к окнам. Ветер, смеясь, завывает и вновь качает ворота. Старушка выпивает стакан воды, замечает, что бочка с водой кончилась почти, а это значит, что скоро нужно будет идти за водой, еще раз подходит к окну, безнадежно пытается разглядеть за ним

Володю, но его нет, и старушка ложится в сырую холодную койку. Ворота брякают. В этот раз действительно Володя. Володя, Седой и Кузьма. Но Зоя думает, что ветер.

– Давайте только по-быстрому, – пробормотал Кузьма, избавившись от своего командного тона.

– Хм. Володька, не плохой участок. Твой? – Заинтересовался интеллигент.

– Ну как бы и да, и нет, – растеряно обронил фразу Володя.

– В смысле?

– Ну, оформлен на меня, а живет матушка.

– А почему так?

– Да, матушка когда поняла, что отец из семьи уходить собирается, оформила дарственную на меня, чтоб отец не отсудил. – Нехотя пояснил Володя

– Умно. Сколько здесь? Соток восемь?

– Ну, почти. Пятнадцать, – насмехаясь, поправил Володя.

Пока Володя и Кузьма усердно вытаскивали советскую рухлядь, Седой с любопытством разглядывал участок.

– Седой, ну ты где там, – вновь включил командира Кузьма.

– Да я щас, – раздраженно ответил он – А может и получится. – Тут же пробормотав про себя.

– Что ты там бормочешь? Шевелись, давай!

– Иду, иду.

Володя и Кузьма дотащили «Урал» до металла-базы, получили свои копейки и с радостной рожицей двинули в магазин. Впервые, быть может они, купили нормальную закуску и водку. И вот вечер, привычное застолье. Кузьма и Володя выпили. Седой закрылся у себя в комнате, из которой доносились восторженные вопли: «Наконец-то придумал. Наконец-то я

вернусь», и звуки щелканья клавиш печатной машинки разносились по дому. Потом спустился к столу.

– О, Седой, чего это у тебя рожа такая довольная?

– Да не, просто. Ну, что? Может, перекинем в картишки, – неожиданно вкинул он.

Кузьма, отказавшись, как-то раздражительно ушел из-за стола и рухнул на диван в зале.

– Володь, а ты?

– Да я чет не знаю.

– Да ладно те?

– Ну... Ну, ладно давай.

Они играли весь вечер. Кузьма, когда выходил в туалет, ухватил фразу Седого:

– Ну вот. Не зря я документы печатал.

И понял, что Володька, похоже, по-крупному проигрался.

...Ночь была звездная, и поутру видны еще были загулявшие или заблудившиеся звезды. После холодной ночи старушка встретила не менее холодное утро. И не хотела вставать с кровати, но нужно было готовить. Она сварила перловки, но аппетита не было. Выскребла со дна бочки немного воды, нехотя взяла пару пятилитровок и двинулась к колодцу на соседней улице. Распечатала дверь, что старушка баррикадирует вечером старыми полушубками и гнилыми сюртуками, чтоб из щелей не несло. По пути ей встретился Тошка:

– Бабушка, а вы куда.

– А-а? Ты, внучок? Громче. Я ж глухая уже.

Он, увидев у нее бутылки, махнул рукой, намекая на помощь. Тошка – смысленный малый. Они набрали воды на колодце. Зоя везла несколько бутылок на тележке. Тошка, покраснев, тащил одну бутылку, пытаясь не выдать своей усталости. Помог занести бутылки в дом и вылить в бочку.



Получил свои конфетки, обнял бабушку, она, наклонившись, прижала его. Он ушел. Торопясь понесся в свой дом, пустой и не уютный, расположенный по соседству. Отец Антошки месяцами пропадал на вахте. Мамы Антошка не видел с рождения. А единственный брат появлялся под вечер и сразу падал спать. Антошка, росший уже который год без присмотра, частенько прогуливал школу – 1-й класс, за что получал от отца по его приезду. И вот он допил чай и сел у окна, в ожидании чего-нибудь.

Зоя пришла домой и улеглась в койку, вслушиваясь в шорох нагих деревьев за окном, в бряканье ворот и в мелодичную игру проводов на ветру.

Утро в соседней деревне началось непривычно. Седой с ухмылкой в спешке паковал чемоданы. Володя курил. Да так часто, что едкий дым, густой как туман, заполнил комнату, разъедая глаза.

– Ну, все! Счастливо оставаться, – злорадствовал Седой.

– Седой! – одернул его Володя. – Помни уговор! Только после смерти.

– Да-да. Все нормально будет. – кинув наотмашь фразу, Седой повернулся спиной.

Затем накинул пальто и облегченно хлопнул дверью.

– Ушел? – грозно прохрипел Кузьма.

– Ага.

– Да и черт бы с ним. Я скоро на деляну поеду. Может со мной?

Подзаработаешь.

– Ну-у, можно. А мне могут дровами отдать?

– Могут. Вот только на кого черта тебе дрова?

– Да не мне. Помнишь? Урал у меня забирали. Там у меня матушка живет, у нее дров-то толком нет. А я года два у нее деньги беру, думаю: «Вот хоть дров привезу». Скоро ж морозы. Чай помрет, не дай бог. Тьфу-тьфу-тьфу, – объяснил Володя, постукивая по косяку.

Впервые, пожалуй, за два года Володя и Кузьма устроили водке бойкот. Пару месяцев спустя, Володя, немного не успев до первого снега и сильных морозов, решил мать навестить и завести ей дров.

Однако матери дома не было, да Володьку-то и в дом не пустили: рабочие какие-то, техника.

– Эй, это что такое? – Недоумевая спросил Володя.

К нему подошел какой-то мужичок.

– Че надо?

– Эй, ты кто вообще? Матушка, где моя? – не унимался Володька.

– Какая матушка? Вы че сговорились все? То ты, то председатель. Я этот дом купил. Понятно? Могу документы показать.

– Председатель говоришь? Ладно.

Володька с явной тревогой и злобой шел к председателю, догадываясь, что произошло и где мать, но стараясь раньше времени не казнить надежду.

Он забежал в кабинет с криками.

– Это что вообще такое. Борисыч, ты скотина опять участки отжимаешь?

– Ты перепил что ли? Не забыл, с кем разговариваешь? – поставил его на место Борисыч.

– Так, а...

– Сядь! – приказал председатель. – Сейчас вот посажу тебя с дружкой твоим, будешь знать.

– За что? – недоуменно спросил Володька, уже успокоившись.

– За укрывательство преступника.

– Кого?

– Седаченко Владимира.

– Он че? Этот? – низким тоном прошипел Володя, понимая свое положение.

– Этот.

– Ну а я откуда знал?!

– Так и я не знал. До нас розыскная не дошла. А его, оказывается, уже как года два ОБЕПовцы ищут, – сбавив командный тон и спустившись на землю, объяснил председатель.

– За что?

– Да там история длинная, но все, что я знаю это то, что он был бухгалтером в компании какой-то и весь черный нал через него проходил. Их когда накрыли, он предложил откупиться. Дали ему время – деньги собрать и подписку о невыезде. Ну а тот в бега, – договорил Борисыч и окинул взглядом Володю.

– Ну, вы ж его найдете, – с надеждой спросил тот.

– А чего его искать? Все! Дал он уже кому надо на лапу, по делу свидетелем пойдет.

– А дом мой как? – спросил Володя, совершенно забыв про былую злобу и про мать.

– А что дом? Дом продан. Все чисто. Ты идиот, чем думал, когда дарственную на него переписывал? – надавил председатель.

– Мама.... А матушка где?

– А-а-а.... Вспомнил про маму? Мама... Дом продали. Все чисто! Зою – на улицу! – резко и отрывисто хлестнул Борисыч.

– Как?

– Просто. Очень просто.

– И куда она?

– Ну, сначала у соседа жила, мальчишка там, Антошка, пару дней. Но, потом отец с вахты приехал. Турнул ее. Она ко мне. А я ее куда? Не к себе ж в дом. А тут еще и морозы, и первый снег. Ну, в общем, Володь, замёрзла она, ее на остановке нашли, – пояснил председатель.

– Ну, ты и сволочь, Борисыч! – бросил Володя, вновь потеряв страх.

– Я сволочь?! Ты на себя посмотри! Жалко мать? А до этого ты где был? Два года подряд синячил на маму плевать было, а теперь посмотрите-ка, явился сынок. Да пока ты там куражил, она здесь по подъездам таскалась. И ведь ей все знакомые говорили, мол, иди к сыну. Вот только она сыночку мешать не хотела. А ведь ей говорили, что помрет. А она только и твердила, что помирать ей сейчас нельзя до 11 числа. Ты сам мать в могилу отправил. Она ведь для тебя все. Все для тебя. А ты пропил ее! Пошел вон отсюда, мразь! Смотреть на тебя тошно! – прокричал во весь голос Борисыч, поставив нахала на место.

– А похоронили где? – озябшим голосом спросил Володя.

– На кладбище! Место у сторожа узнаешь. Все, выметайся отсюда... – тихо и спокойно оборвал диалог председатель.

Михаил Борисович с утра как обычно с задержкой на час появился в конторе, но до кабинета не дошел – его секретарша задержала.

– Михаил Борисович, Михаил Борисович! – догоняя, крикнула ему Лена.

– Да, Леночка. – Не отвлекаясь от пути в кабинет.

– Вам тут сторож с кладбища звонил.

– И чего? – перебил Михаил Борисович.

– Он сказал, что к нему вчера Володя пришел, тот проводил к матери. Володя там плакался на могиле. Кричал что, мол, не хотел он. Ну, сторож такие сцены не переносит, сами знаете. А с утра, говорит, на обход пошел. И рядом с могилой Володьку на дереве нашел, – продолжила секретарша.

– Недолго думал. Повесился. Сбежал. К маме. Навестить решил. И на том свете ей житься не даст. Ладно, звони, давай Пашке, заказывай еще один гроб.

– А деньги где взять. Кто платить-то? – растерянно спросила Леночка.

– Кто?.. Да я и буду платить. Звони, давай. Я у себя.

Ну, вот Володьку рядом с мамой похоронили. На кладбище приказали деревья поспиливать. Пусто так сразу стало. Две могилки едва заметные на краю кладбища: мать, да сын совсем одиноко выглядят. Сторож, нарушив запрет, у могил ель посадил. Пустынное кладбище. И в аккурат у окраины, возле могилки Зои и Володи, ель растет пушистая такая. Годов через пятьдесят она окутает мать и сына, соединив их в своих объятиях навечно. Это будет через полвека, но лучше поздно, чем никогда.